

Глава XIV

КОНСТРУИРОВАНИЕ ПРОСТРАНСТВА В МИКРОНЕЗИЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Для того чтобы определить место «навигационного» восприятия пространства в микронезийской культуре, попытаемся шире взглянуть на то, как в этой культуре воспринимается пространство вообще. Как правило, угол зрения на проблематику осмысления пространства в традиционном мировоззрении определен несколькими взаимодополняющими позициями. Между ними не всегда можно (и нужно) проводить четкое различие, тем не менее попытаемся сформулировать их.

Наиболее часто значимые характеристики раскрываются в аспекте обрядового членения пространства. Сюда относится ритуальное воспроизведение пространственно значимых действий, например космогонического характера (построение дома — построение / упорядочение мира [Байбурин 1993: 154–168]), а также ярко выраженная пространственная семантика, сопровождающая обряды перехода [Левинтон 1991]. Второй аспект названного подхода можно представить в виде формулы «одно как модель другого»: он включает самые различные переходы от пространственного к социальному (поселение как модель мира, социум как модель поселения и т.п.). Отличие социальной модели от ритуального воспроизведения в том, что последнее раскрывается в динамике, тогда как «модель» по определению является статичной. Наконец, третий аспект — это некое «сканирование» пространства с помощью оппозиций по нарастанию / убыванию каких-либо свойств и сопутствующих им атрибутов, например свое — чужое, мужское — женское и т.п.

Таким образом, в центре нашего внимания оказываются пространственные представления, своего рода «теоретический» анализ пространства внутри культуры. Здесь мы делаем акцент не на способах использования тех или иных особенностей физического пространства, а на способах (и результатах) его конструирования. Перефразируя Канта, можно сказать, что исследователя интересует не то, что культура открывает в пространстве, а то, что она ему присваивает.

ет. Видимо, именно в таком ключе следует изучать мифологические представления. Можно сказать, семантика — это момент приведения и ритуального, и бытового пространства к его идеологической модели.

При рассмотрении традиционных способов навигации элементы семантики пространства сами по себе выступают в качестве одного из объектов исследования. Это продиктовано спецификой изучаемого материала и выражается в особом, «нетрадиционном» взгляде на пространственные аспекты традиционной культуры. Те требования, которые самой культурой предъявляются к мореплаванию, навигации, ориентированию, предполагают анализ пространства с точки зрения особого знания о нем, причем знания альтернативного тому, которое мы называем научным. Такой анализ направлен на конструирование пространства средствами культуры, на осмысление ею окружающих реалий с помощью определенных образов. Возможно, соотнесение механизмов мифологического (т.е. в контексте системы представлений о мире в целом) конструирования пространства со способами оперирования им позволит лучше понять сущность микронезийской культуры как культуры максимально адаптированной к существованию в океане.

Сформулированные выше алгоритмы ориентирования дают возможность не только говорить о высокой «работоспособности» микронезийской навигационной системы, но также понять отразившиеся в этой системе пространственные представления. Модели «сужающиеся круги» и «внесенная поправка» соответствуют двум основным принципам, на которых построено и европейское ориентирование, являясь их зеркальным отражением. С помощью координатной сетки европейский судоводитель определяет свое (*субъекта* ориентирования) местоположение в пространстве в момент времени, а используя компас, он определяет направление движения к объекту. Океанийский навигатор определяет месторасположение места назначения (*объекта* ориентирования) в момент времени на основе принципа «сужающихся кругов», а «внесенная поправка» задает нужное направление, но исходит как бы *от* самого объекта. Таким образом, при совпадении универсальных понятий «местоположение / направление» векторы теории океанийской и европейской навигации развернуты в противоположные стороны.

Наглядно это различие можно представить на следующем примере: если европейский штурман движется в неподвижном мире,

отмечая изменение курса и местоположение корабля, то под микронезийским кормчим как будто бы вращается сама земля. Острова в море вокруг него движутся, так же как и звезды в небе, и только постоянный контроль над их «перемещением» позволяет ему не сбиться с пути. Если мы представляем пространственные отношения, фиксируя положение объектов в моменты времени (такой подход можно назвать статичным), то островитяне определяют отношение между объектами всегда в динамике. Можно сказать, что пространство в навигации начинает существовать только с появлением движения, но само движение проецируется не на субъекта, а вовне его.

Формально (геометрически) действительное взаиморасположение объектов по отношению друг к другу и к субъекту остается неизменным при любом подходе. Однако умозрительным, теоретическим следствием практических микронезийских навигационных методик оказывается «движущийся» мир. Это мир, который воспринимается, познается и вполне успешно осваивается в контексте данного свойства — как движущийся по отношению к субъекту действия. Глэдвин пишет: «Хотя Хипур и другие навигаторы, говоря о системе итэк и лавировании, прямо упоминают понятие движущегося острова, они никогда не описывают словами более обширную логическую концепцию, в рамках которой оно используется. Это вовсе не означает, что для них эта концепция не является реальной; это значит только, что они понимают и считают само собой разумеющимися все когнитивные предпосылки, оправдывающие выражение “движущийся остров”. Они не испытывают потребности, а следовательно, и не умеют объяснять это кому-нибудь вроде меня, кто представляет себе путешествие как процесс, при котором неподвижно все, кроме самого путешественника» [Глэдвин 1995: 140–141].

Такая, можно сказать, обратная концепция пространства задает особые правила манипулирования им, устанавливает специфическую связь между формой и содержанием, означаемым и означающим, т.е. ту самую связь, которая полностью разрушается при исследовании традиционной океанийской навигации на принципах европейской науки и которую совсем непросто уловить, даже несколько отступив от этих позиций. Несомненно, что концепция «движущегося мира» связана с базовым, исходным типом представлений о мире / пространстве в микронезийской культуре, иначе говоря, с так называемой мифологической картиной мира.

Предметность пространства ведет к диффузии, т.е. неотчетливости противопоставления реальных и мифологических объектов при их использовании в навигации. В качестве операционного и мнемонического материала всегда выступает его «содержание», которое может являться и содержанием мифа. Безусловно, самым ярким примером, демонстрирующим неразличность идеального и реального (как отсутствие затруднений при подмене второго первым), является рассмотренный в системе итэк «остров духов», используемый в качестве ориентира. Но это не единственный способ задействования мифологических объектов в качестве наполнения пространства в навигации.

В картине мира микронезийцев трудно провести черту между эмпирическими, гносеологическими и мифологическими аспектами. Основными компонентами окружающего мира микронезийцев являются небо, океан и острова. Острова мыслятся как своего рода колонны, поднимающиеся (вырастающие) с морского дна [Damm 1935: 190]. Небо в представлениях островитян имеет форму куполообразного свода. Литке писал: «Я спросил: что еще есть за Пеллы к западу? Он [навигатор. — А. Л.] провел черту и показал жестами, что там уже небо упирается в землю и должно под него подлезать» [Литке 1835, II: 33].

Подобные представления функционируют в повседневной жизни, и большинство из них имеет практический характер. Имеет место и другого рода мифологизация частей пространства — по мере их удаленности. С точки зрения пространственной семантики мы имеем здесь дело с общим правилом, согласно которому по мере удаленности плотность содержания знаний о пространстве уменьшается, вследствие чего вводятся различия в виде универсальных оппозиций: *свое / чужое, дружественное / враждебное, профанное / сакральное*. Так, на атолле Сатавал (Каролинские острова) последние свойства приписывают соответственно водному пространству внутри лагуны и океану за рифом. Если первое рассматривается еще как «свое», «домашнее», вполне ординарное, то второе контролируется духами и одновременно является местом общения с ними [Ishimori 1987: 241–253].

Согласно поверью, существующему на островах Гилберта, далеко-далеко на западе море становится пустынным, острова исчезают и водная поверхность наклоняется вниз, так что возвратиться обратно становится очень трудно. Двигаясь еще дальше на запад,

путешественник может встретиться с чудовищем, ужасной рыбой Уу, способной проглотить каноэ целиком. Если же путешественнику и здесь удастся избежать гибели, то он достигнет третьего предела, где у человека появляются две тени. Еще дальше встретится странная одинокая птица, постоянно кричащая: «Я несчастна, я несчастна!» Вслед за этим обреченное каноэ будет подхвачено стремительным течением, которое еще один день и ночь будет уносить его на запад, пока, наконец, каноэ не обрушится в ужасную бездну [Grimble 1972: 141].

В приведенном мифологическом тексте есть и другой, возможно не менее интересный аспект: пространство здесь представляется состоящим из зон, в каждой из которых существует свой особенный обитатель. Можно сказать, что их появление и является знаком того, что мореплаватель достиг того или иного предела.

С таким же зонированием пространства мы сталкиваемся и в реальной навигационной практике. Гримбл дает описание порядка двух десятков так называемых *betia* — локально устойчивых явлений в океане, которые могут быть различной природы. Среди них: серия из 27 (!) волн, вырастающих время от времени «как будто бы из-под моря» и двигающихся поперек основного волнения; изменение ветра (с юго-восточного на северо-восточный); полоса тумана; а также участки моря, характеризующиеся активностью каких-либо животных, например выпрыгивающие парами летучие рыбы или скопление медуз определенного вида. Прохождение того или иного *betia* означает, что мореплаватель находится на фиксированном расстоянии от какого-либо атолла, измеряемом во времени — сутках (или их частях) пути [Там же: 139].

Нечто подобное описано Глэдвином. Одна из вспомогательных навигационных техник Каролинских островов носит название «морская жизнь» [Глэдвин 1995: 162–163]. Считается, что каждому маршруту соответствует определенная последовательность появления тех или иных животных. Например: две ставриды, косяк рыб в воде, над которым плавают и ныряют бакланы, еще один косяк, над которым летают белые крачки, один чибис, две угольные крачки; или: две кричащие угольные крачки, одинокая высоко летящая птица-фрегат, два бурых дельфина, турбулентный поток воды с плывущими в нем морскими улитками, птица с красным хвостом, большой одинокий бурый дельфин. Другими словами, пространство также делится на отрезки, характеризующиеся появлением тех

или иных существ, каждое из которых является своего рода отсечкой.

Вот как комментирует это сам Глэдвин: «Очевидно, за редкими исключениями, предметы, включенные в списки, по самой своей природе не могут долго оставаться на одном месте, а тем более не могут договориться со своими потомками, чтобы те заняли их место и продолжали морочить головы последующим поколениям навигаторов» [Глэдвин 1995: 163].

Глэдвин, конечно, излишне категоричен. В какой-то степени такие подробности, как число и даже поведение животных, действительно придают данному способу ориентирования иррациональный характер, а его описанию — свойства сугубо мифологического текста. Но учитывая, что всем существам присвоены секретные имена, известные только навигатору, возможно, правильное говорить о профессиональном знании с элементами (или в форме) мифологии и / или фольклора. (Апелляция навигаторов к фольклору может быть обусловлена и чисто практической целью интенсификации мнемонического аппарата. Например, на островах Гилберта при ориентировании по звездам светила ассоциируются с различными персонажами, и описание какого-либо маршрута вместо сухой формулы приобретает характер фольклорного повествования, в котором герой путешествует, встречая на своем пути этих персонажей [Grimble 1972: 218]).

Только на первый взгляд такие «вехи» с точки зрения пространственной привязки нестабильны. Конечно, если речь не идет об астронавигации, мореплаватели, как правило, используют «landmarks». Но микронезийцы привыкли полагаться на эти «seamarks», и в микронезийской навигации они фигурируют как стабильные. Накопленный и проверенный поколениями опыт говорит им, что любые изменения ветра и волнения не случайны и имеют временную (сезонную) и пространственную привязку. Известно, что морские животные, так же как сухопутные, выбирают в зависимости от сезона определенные ареалы обитания и кормления; соответственно, и следующие поколения, движимые инстинктом, будут придерживаться тех же мест.

Таким образом, возвращаясь к связи между «теоретическими» представлениями и «практическими» навыками микронезийцев, можно сказать, что мифологическое «зонирование» того или иного океанского предела с помощью определенных обитателей скорее

есть следствие таких навыков, нежели их причина. Кажущийся «нестабильным» характер явлений не является таковым на практике; мифологичность есть форма, и она не синонимична недостоверности.

Можно привести и другой пример, когда подвижность выступает формой стабильности. Замечательно сравнение, употребляемое навигаторами Маршалловых островов в отношении связи структуры волнообразования вокруг островов и самого острова. «Как корень, если следовать ему, приведет нас к пальме, так и он [*окар* — “корень”. — *А. Л.*] приведет к земле» [Akerblom 1968: 127]. Тот факт, что «корень» острова, в отличие от корня дерева, принадлежит другому ряду явлений по сравнению с самим островом, хорошо поясняет известный тезис о присущем мифологическому сознанию свойстве уподобления явлений [Байбурин 1991: 78–79].

Космогонические представления микронезийцев архипелага Палау обладают особой образностью, а развертывание пространства происходит по принципу повторяющегося соответствия значимых характеристик. Это соответствие носит одновременно характер сопоставления / наложения и непрерывности. Первичная точка символизирует пространственное и идеологическое начало — раковина тридакны, дающая жизнь всему. Эта жизнь в форме морских существ развивается в пространстве по вертикальной оси — со дна моря к поверхности. Далее вектор и форма бытия меняются — в ином, человеческом качестве оно движется с юга на север. Со сменой направления начинается другой виток мифологического сюжета, и все новые качества, присущие этому этапу, одновременно соотносятся с исходными. Это означает символическое соответствие юга — низу, морскому дну, а севера — поверхности моря или суши, людей — рыбам, мужского дома — раковине тридакны [Ferreira 1987: 57–63]. Таким образом, «высокие» и «северные», «человеческие» и «законные» свойства, последовательно возрастая, являются амбивалентными. Развитие уподоблено повторению, что вообще характерно для мифа. Пространство как геометрическое, так и жизненное создается и расширяется в процессе этих повторений, приобретает многомерность и понятийную неоднозначность.

Сходную картину мы видим на примере системы итэк, конечно, не в буквальном смысле соответствия, скажем, отрезков итэк мифологическим этапам, но в смысле моделирования / освоения пространства. Развитие мира и жизни уподобляется продвижению в определенном направлении. В навигации пространство, как отме-

чалось, «оживает» только с началом движения субъекта (ср. эгоцентричность первобытного пространства [Белков 1996: 35]). За этим следует приведение в соответствие друг другу моментов времени и точек пространства, связь между которыми осуществляется соотношением между скоростью и направлением. Более того, поскольку нерасчлененность понятий пространства и времени является одной из наиболее характерных особенностей архаического сознания, то в процессе измерения пути для носителя культуры эти понятия, скорее всего, изоморфны. Вспомним, что расстояние нередко выражается через время, проведенное в дороге. Использование одновременно нескольких разнородных понятий, соединенных определенной динамикой повторений и логикой взаимопереходов, вполне соответствует логике и динамике развития мифа.

Итак, характерной чертой рассмотренных выше методов навигации является то, что они выстроены в соответствии с концептами, которые в науке принято рассматривать как элементы мифологического сознания (диффузность, принцип подобия и трансформации явлений, неразличенность (многозначность) понятий). Можно сказать, что эти способы осмысления мира существуют «внутри» навигационных методов и действительно задают параметры для познания и освоения микронезийского мира. Мифология, будучи особой формой мышления, является гносеологическим основанием как для «иррациональных», так и для «рациональных» форм культуры. Задействованные в процессе ориентирования эти же мыслительные приемы выступают как необходимое условие эффективности навигационной системы. Навигационные практики органично интегрированы в мир, обладающий данными характеристиками, что делает их принципиально несводимыми к западному способу оперирования пространством. Они оказываются вполне работоспособны и результативны, но никак не нарушают законы традиционного мировоззрения.

В данном парадоксе, по-видимому, и кроется секрет успешности, действенности системы традиционной микронезийской навигации. Практические действия согласуются с «теоретическими» представлениями, логика приемов ориентирования находится в соответствии с видением мира и позволяет действовать в нем таким, каким он существует вокруг и помимо нас: лишенном универсальных шкал, не расчерченном на клетки, динамичном, текущем, изменчивом.